

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. ДАНЦИГ 28 августа 1939.....	5
Глава 2. КРЫМ 18 октября 1939. Кирилл	11
Глава 3. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 20 октября 1939. Иван Дмитриевич.....	21
Глава 4. ЦАРСКОЕ СЕЛО 20 октября 1939. Князь Дмитрий	27
Глава 5. ФРАНЦИЯ. МЕЦ 24 октября 1939. Алексей	39
Глава 6. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 17 ноября 1939. Иван Дмитриевич.....	48
Глава 7. ФРАНЦИЯ. МЕЦ 30 ноября 1939. Алексей	55
Глава 8. АТЛАНТИКА 12 декабря 1939.....	63
Глава 9. РОМАНОВ-НА-МУРМАНЕ 22 декабря 1939. Кирилл	70
Глава 10. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 22 декабря 1939. Иван Дмитриевич	80
Глава 11. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 8 января 1940. Князь Дмитрий	87
Глава 12. МЕЖДУ САНКТ-ПЕТЕРБУРГОМ И МОСКВОЙ 8 января 1940. Иван Дмитриевич	95
Глава 13. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 25 марта 1940. Князь Дмитрий	101
Глава 14. БАРЕНЦЕВО МОРЕ 25 марта 1940. Кирилл	113

Глава 15. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ	
25 марта 1940. Князь Дмитрий	125
Глава 16. ПЕРСИЯ	
25 марта 1940. Иван Дмитриевич	135
Глава 17. ФРАНЦИЯ. ВЕРДЕН	
27 марта 1940. Алексей.....	148
Глава 18. МЕСОПОТАМИЯ	
1 апреля 1940. Иван Дмитриевич	157
Глава 19. НОРВЕЖСКОЕ МОРЕ	
1 апреля 1940. Эскадра Северного флота	166
Глава 20. МЕСОПОТАМИЯ	
1 апреля 1940. Иван Дмитриевич.....	177
Глава 21. НОРВЕЖСКОЕ МОРЕ	
2 апреля 1940. Эскадра Северного флота.....	186
Глава 22. МЕСОПОТАМИЯ	
1 апреля 1940. Иван Дмитриевич.....	198
Глава 23. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ	
14 апреля 1940. Князь Дмитрий	206
Глава 24. МЕСОПОТАМИЯ	
14 апреля 1940. Иван Дмитриевич	218
Глава 25. НОРВЕЖСКОЕ МОРЕ	
16 апреля 1940. Кирилл	227
Глава 26. ЦАРСКОЕ СЕЛО	
12 мая 1940. Князь Дмитрий.....	236
Глава 27. ПАЛЕСТИНА	
12 мая 1940. Иван Дмитриевич	248
Глава 28. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ДВОРЕЦ	
12 мая 1940. Князь Дмитрий	259
Глава 29. ВЕРДЕН	
12 мая 1940. Алексей	269
Глава 30. ПАЛЕСТИНА	
12 мая 1940. Иван Дмитриевич	277

Глава 31. НОРВЕЖСКОЕ МОРЕ <i>13 мая 1940. Кирилл</i>	288
Глава 32. СЕВЕРНАЯ ФРАНЦИЯ. БУАМОН <i>13 мая 1940. Алексей</i>	298
Глава 33. ПАЛЕСТИНА <i>14 мая 1940. Иван Дмитриевич</i>	309
Глава 34. ДАТСКИЙ ПРОЛИВ <i>15 мая 1940. Кирилл</i>	319
Глава 35. ФРАНЦИЯ. БУАМОН <i>16 мая 1940. Алексей</i>	331
Глава 36. ПАЛЕСТИНА. МОСТ ЧЕРЕЗ ИОРДАН <i>16 мая 1940. Иван Дмитриевич</i>	346
Глава 37. ДАТСКИЙ ПРОЛИВ <i>16 мая 1940. Кирилл</i>	356
Глава 38. ПАЛЕСТИНА. МОСТ ЧЕРЕЗ ИОРДАН <i>16 мая 1940. Иван Дмитриевич</i>	369
Глава 39. НОРВЕЖСКОЕ МОРЕ <i>16 мая 1940. Кирилл</i>	378
Глава 40. ФРАНЦИЯ <i>16 мая 1940. Алексей</i>	391
Глава 41. НОРВЕЖСКОЕ МОРЕ <i>17 мая 1940. Кирилл</i>	403
Глава 42. ПАЛЕСТИНА. МОСТ ЧЕРЕЗ ИОРДАН <i>18 мая 1940. Иван Дмитриевич</i>	413
Глава 43. ФРАНЦИЯ <i>21 мая 1940. Алексей</i>	421
Глава 44. ФРАНЦИЯ. ВЕРСАЛЬ <i>18 июня 1940. Князь Дмитрий</i>	430
Глава 45. ФРАНЦИЯ <i>20 июня 1940. Алексей</i>	438

Глава I. ДАНЦИГ

28 августа 1939

Эта история должна начаться с фразы: «Два неприметных человека за выщербленным рассыхающимся столом у окна кафе с великолепным видом на рейд обычного приморского города решали судьбы мира». Разумеется, это беспардонная наглая ложь от слова до слова!

Манеры и жуткий акцент сразу выдавали в господах за столиком иностранцев. Нет, это ныне не редкость, но бросается в глаза. Проходившего мимо с подносом кельнера аж передернуло от того, как один из гостей обозвал Вайхсель Вислой. Здесь так не говорят.

Владелец «Рульки и моря» только недавно закончил ремонт. Выщербленных столов там быть не могло и все тут! А вот вид из окна действительно открывался великолепный. Рейд представал во всей красе. Закатное солнце бросало лучи на приземистый, угловатый, увенчанный толстыми мачтами и трубами стальной утюг. Редкое зрелище старого корабля, все ровесники которого давно покоятся на дне или порезаны на иголки.

Разумеется, любой человек, хоть раз в жизни побывавший в Данциге, никогда не назовет этот удивительный город с историей «обычным». Язык не повернется, примерзнет к небу или сломается. Да и кафе находилось не в самом Данциге, а в его пригороде, чудном поместье Брозен. Но это не так уж и важно, не правда ли?

Самая наглая часть лжи заключается в том, что два иностранца за столиком кафе «Рулька и море» никогда ничего серьезного в этой жизни не решали. Прекрасные исполнители, мастера своего дела, не более того. Однако если старательно поскрести, под слоем лжи обнаружится бриллиант истины. Не каждому доступно, не каждый поймет.

— Удачно выстроились, Джеймс, — высокий, сухой как щепка джентльмен средних лет показал в окно свернутой «Манчестер Гардиан». — Прошное, настоящее и временное.

Ближе всех к берегу стоял броненосец под красным флагом с гербом в яблоке. Через хороший бинокль можно прочесть на корме имя «Шлезвиг-Голштейн». В двух кабельтовых от немца на бочке красовалась русская «Светлана». Мористее расположился польский «Гриф». Универсальный корабль немногим моложе своего флага.

— Без будущего, Стэнли, — констатировал его собеседник.

— У них будущего нет.

Джеймс, круглолицый с плебейским носом картошкой обладатель ярко-рыжей шевелюры, показал на часы. Его собеседник махнул кельнеру и извлек из внутреннего кармана сюртука портмоне. Рассчитались гости марками, хотя персонал грешным делом надеялся на валюту. Приработок на обменных курсах нормальное дело для портового города, да еще с двойной юрисдикцией.

Хоть на дворе и понедельник, но кафе не жаловалось на недостаток посетителей. «Рулька и море» привлекало чистую публику, людей, желающих трапезничать или спокойно посидеть за кружкой пива в уютном заведении с хорошим видом из окон, главное — способных за это заплатить.

Часа через три после ухода иностранцев над портом и городом прокатился рокот взрыва. Задрезжали стекла. Двое посетителей, подчиняясь рефлексам, резво нырнули под столы. Над ними не смеялись, хоть с Великой войны и прошло больше двадцати лет, но многие ее еще помнили, а кое-кто успел освежить навыки выживания на других, не таких знаменитых, но тоже кровавых войнах.

— Ты смотри!

Над броненосцем на рейде поднималось густое облако дыма. Во все стороны разбегались круги волн. «Шлезвиг-Голштейн» медленно кренился и садился, затем лег на правый борт и опрокинулся. По залу прокатился вздох ужаса. Люди бросились к окнам, затем толпа вырвалась на улицу.

Корабль лег надстройками на грунт. Красное днище возвышалось над водой как спина кита, сверкнула на солнце бронза винтов. Рейд огласил вопль сирен. На русском крейсере протрубили тревогу и спешно спускали на воду шлюпки.

— Быстрее гребите! Там же люди! — прокричал молодой светловолосый безусый паренек в форме гардемарина. — Боже!

Трагедия всколыхнула город. Данциг морской город, здесь жизнь каждого связана с морем. Но и слухи в порту распространяются со скоростью света. Непонятно кто первым сказал, но вскоре все знали — «Шлезвиг-Голштейн» взорвали.

Немецкая штатсполицай быстро оцепила территорию порта и прилегающие районы. Гестапо схватилось за дело одновременно с гражданскими коллегами и усердно рыло землю. Несмотря на замедленную реакцию администрации, польская полиция включилась в работу. Не по приказу даже, а по зову сердца и инстинктам ищек.

В тот же вечер за городом на берегу нашли моторный катер, брошенные дыхательные аппараты и тело одного из подрывников. Пловца застрелили двумя выстрелами в спину, третья пуля контрольная — в затылок. Здесь же обнаружили свежие следы шин. А в кустах белела газета. Недельной свежести «Манчестер Гардиан».

Опознание покойника не затянулось. В картотеке гестапо нашлись его фотографии и полный послужной список. Матеуш Циранкевич собственной персоной, засветившийся как агент Коминтерна, агент британской разведки и скромный сотрудник польских спецслужб.

Польско-немецкие отношения и так обострены до предела, по образному выражению одного русского напоминают «пьянку с перестрелкой в крюйт-камере». По обе стороны границы идет мобилизация. Переговоры о коридоре окончательно сорваны, Варшава чуть ли не открыто объявляет поход на Берлин, Германия остановила польский транзит.

Вся Европа на грани катастрофы. Именно 28 августа русский император выступил с предложением созвать международную конференцию, но его уже не услышали. Польское правительство отказалось от всяческого содействия в расследовании взрыва на броненосце.

Данциг — город под двойным управлением. Демилитаризованная зона с собственным правительством, международными гарантиями и двойной юрисдикцией. Здесь вполне себе мирно уживались немецкая и польская администрация. Жизнь заставляла если не дружить, то уважать интересы противной стороны.

Так вот, наутро после трагедии польские администрация и полиция получили нагоняй из Варшавы. Приказом запрещалось любое участие в расследовании, вплоть до передачи немцам материалов по подозревае-

мым и свидетелям. Разумеется, все это было истолковано именно так, как должно было быть. Последний шанс на переговоры и мирное решение взлетел на воздух, похоронив с собой 217 немецких моряков.

Рано утром первого сентября по всей границе заговорили пушки, небо закрыли крылья самолетов, рыхлые порядки польских дивизий были вспороты танковыми клиньями вермахта. Снаряды тяжелых орудий броненосца «Шлезииен», родного брата «Шлезвиг-Голштейна», перепыхивали польские укрепления на косе Хель. Уже в конце дня немцы прорвались сквозь изготовившиеся к встречной атаке польские войска.

Через день, 3 сентября сначала Британия, а затем Франция объявили войну Германии. Так началась новая большая европейская война, плавно переросшая в Великую Океанскую. Так человечество сделало шаг от примитивных фугасных бомб до ядерных боеприпасов, испепеляющих целые города и военные базы. Так одна мина под днищем древнего учебного корабля привела к полному перекраиванию геополитической карты мира.

Случайный посетитель «Рульки и моря» ошибся: из трех стоявших на рейде военных кораблей один олицетворял будущее, а другой настоящее. А вот с несбывшимся он не промахнулся.

Через неделю с начала войны мосты через Буг гнулись под массами людей и машин. Русские пограничники получили приказ пропускать всех, уже затем беженцев фильтровали в лагерях Красного Креста. Людям оказывали помощь, давали время прийти в себя, ведь все они потеряли родной дом, многие родных и близких, кто-то видел смерть. Что ж, почти все получили свой шанс начать все заново, многие им воспользовались.

Десятого сентября на русском берегу Буга в Брест-Литовске интернировалось польское правительство

почти в полном составе. На следующий день по мосту прошел главком польской армии. Как его звали? — А это уже никому не интересно. Поражение всегда круглая сирота. Проигравшим не ставят памятники, их имена упоминаются только за списком триумфов победителей. Они никому не интересны.

Вернемся в Данциг. Профессионалы гестапо не зря ели свой хлеб и пили свое пиво. Уже на следующее утро после теракта ищейки вышли на след Стэнли и Джеймса, допросили кельнера, нашли арендное авто. В багажнике машины обнаружилось тело второго аквалангиста. Это тоже был гражданин Польши — человек сложной судьбы и интересной биографии. След самих иностранцев оборвался на частном аэродроме, откуда они вылетели в Виндаву.

В России Стэнли и Джеймс растворились в воздухе. Зато на их месте образовались два провинциальных мелких торговца. Выходцы из какой-то зачуханной полудикой деревеньки в Курляндии, еле говорящие по-русски, но зато в совершенстве владеющие местным диалектом немецкого. Оба сели на пароход до Гельсингфорса. Оттуда поездом поехали в Романовский порт. Русская жандармерия смогла установить, что оба сели на грузовой пароход, идущий в Берген.

Дальнейший след двух путешественников совершенно случайно удалось выяснить только в 1943 году. Неразлучная парочка опять сменила документы, превратилась в природных подданных Британской короны и отбыла из Норвегии морем. Увы, даже не к родным английским туманам, а куда дальше.

Летом 1943-го всю гремела большая война. Всем было не до того. Даже несчастный «Шлезвиг-Гольштейн» к этому моменту уже подняли и отбуксировали в док «Шихау» на разделку. О Стэнли и Джеймсе почти все давно позабыли, кроме нескольких человек,

кому что-то забывать по службе не положено. Впрочем, в Англии упомянутых джентльменов не обнаружилось. Оно и понятно, британские спецслужбы не идеальны, ошибки совершают, но такие характерные следы никогда не оставляют. Одна из старейших разведок Европы умеет подбирать кадры.

Глава 2. КРЫМ

18 октября 1939. Кирилл

Мотор звенит, тянет в сверкающие выси. Машина рвется в небо, прямо к огромному яркому солнцу. Октябрь радует редкой хорошей погодой. Прекрасная крымская осень. Ночью прошел шторм, оставил на пляжах горы водорослей и плавника. На море ровная зыбь. Над головой чистое небо, только далеко на юге редкие перистые облака. Внизу плотная густая белесая облачная пелена. Справа в разрывах видны Крымские горы. Облачная полоса закрывает море, над берегом чисто, а дальше опять проглядывает что-то темное расплывчатое.

«Курсант четвертый. Курсант четвертый, вернись на горизонт», — звучит в наушниках голос руководителя полетов.

Рука по привычке тянется к тумблеру рации и повисает в воздухе. Нет переключателя. На учебном «Сапсане» рация работает только на прием. Экономия, мать их так и за так!

Кирилл обернулся, покрутил головой, ведущего нет. Прапорщик Нирод явно дисциплинированно кружит над морем и костерит ведомого. Нарушаем, господин старший унтер-офицер Никифоров! А как тут не нарушить, не вырваться на вертикаль, если машина сама рвется в небо! Скучно и тяжело палубному моноплану

плавно кружить по заведенному маршруту в пределах видимости наблюдателя с мостика. Мощная «звезда» мотора просит приоткрыть дроссель, ей душно в рекомендованном коридоре, триста метров над морем и до облачного горизонта.

Летчик сбрасывает обороты, толкает ручку от себя. И разворот. Машина легко слушается руля. Белые с темными прожилками, вкраплениями облачные кручи приближаются. Они кажутся заснеженными сопками, или валами распухшей ваты, или горными хребтами. Стрелка высотометра кренится влево. Впереди белое молоко, справа и слева какие-то прожилки, тягучие струи. По бронестеклу и обшивке стучат капли.

Облачный слой заканчивается неожиданно. Раз — и внизу прямо по курсу волны. Левее идут два истребителя. Справа на два румба прямоугольник палубы авианосца. От носа и кормы разбегаются пенные белые валы. Старичок дымит из обеих труб, напрягает машины.

Кирилл убавляет обороты мотора и пристраивается справа от ведущего. Радио молчит. Ненадолго эта тишина. Прилетает команда «Лидеру второму» проштурмовать авианосец. Арсений Нирод ведет свое звено к «Риону». Ведущий явно не собирается пропускать редкое зрелище — атаку истребителей на свой авианосец. Дело не в принадлежности, а в сомнительной осмысленности этого действия. Пулеметами только палубу поцарапать можно. Впрочем, в наставлениях рекомендуют обстреливать мостик, рубки и платформы зениток. Считается, так истребители облегчат атаку своим торпедоносцам и пикировщикам.

«Рион» близко. Уже хорошо заметны наклонные трубы, стойки и фермы под свесами палубы, четырехдюймовые полуавтоматы в бортовых спонсонах. Выделяются гнезда зенитных автоматов. А мостик и рубку с первого взгляда не найти. Спрятались. Вон, крыло мо-

стика выглядывает из-под летной палубы. Там же уровнем ниже корабельная рубка. Первый и единственный в русском флоте гладкопалубный авианосец. Плод успешных экспериментов первых послевоенных лет.

Тройка истребителей заходит на авианосец с носа. Короткая атака с пикирования. Два «Сапсана» выравниваются и уходят вправо над самой палубой. Третий мешкает и отворачивает влево. Инструктор по радио требует повторить. Выход из атаки только кажется простым маневром. Здесь важно сохранить строй.

Ага! Руководитель полетов усложняет задачу, и отнюдь не звену прапорщика Поливанова. Три истребителя на палубе выкатили на стартовые позиции и готовят к вылету. Опасное упражнение. Кто-то из палубной команды может струхнуть, выронить заправочный пистолет, дернуть не тот рычаг или забыть убрать колодки.

«Лидер третий, заходите на посадочную глиссиду!» — Это уже в адрес тройки Нирода.

Пока все четко. Авианосец идет против ветра. Не быстро, узлов двенадцать держит, значит, всего на двенадцать узлов уменьшается посадочная скорость. Не так уж и много, но и это уже хорошо, особенно для людей, второй раз в жизни сажающих «Сапсан» на авианосец. Каждый приземляющийся на маленькую, ходящую по волнам поверхность ценит эти самые выгрышенные метры убегающей палубы.

Первым идет Нирод. «Сапсан» ведущего четко заходит с кормы, выпускает закрылки и буквально прижимается к палубе. К машине бросаются матросы, отцепляют трос аэрофинишера, опускают сетку барьера и руками откатывают самолет вперед и к левому борту.

Пора. Кирилл сбрасывает обороты, выпускает шасси, обеими руками сжимает рычаг. Корабль приближается. Это уже не маленькая коробочка на темно-синих складках покрывала, а растущая на глазах стальная

машина. Из-под кормы вырываются белые буруны. Кормовой свес плавно покачивается, подрагивает. Глаз цепляется за белый осевой пунктир. Единственный ориентир, путеводная нить Ариадны. Стоит промахнуться, и слетишь в холодные осенние волны. На бортовые сетки надежды мало, они могут не удержать.

От страха летчик стискивает зубы. По лопаткам пробегает холодок. Слишком близко, кажется, скорость высокая, приборы врут. Сейчас машина врежется прямо в корму или срежет крылом человека с флагами на балкончике, или промахнется, перепрыгнет аэрофинишеры, зацепится колесами за барьер и перевернется. Либо уже не хватит тяги мотора и скорости, чтоб уйти на второй заход.

Все получилось. Почти одновременно с взмахом флагами сигнальщика пилот выпустил закрылки и чуточку приподнял нос машины. Сбросить газ. Палуба под крылом. Рычаг от себя, буквально кожей, седалищем чувствуя, как приближается настил.

Рывок аэрофинишера чувствительно швырнул человека вперед. Ремни впились в плечи. Подголовник кресла ударил по затылку.

— На «Чайке» было проще, — пробормотал Кирилл, глуша мотор.

Самолет уже покатили. Винт замедляет вращение. Стих гул мотора. На крыло забирается матрос и отстегивает замки. Крылья складывают ручную. Дополнительной механизации не предусмотрено. Кирилл сдвигает назад фонарь, в лицо бьет свежий соленый морской воздух. Слышны команды, беззлобные матерки матросов, свист ветра. Пахнет бензином и маслами, а еще особым запахом горячего мотора.

Дима Кочкин садится третьим. Унтеру чуточку не хватает выдержки, как цепляется только за пятый трос. Машина по инерции летит вперед, останавливается

буквально в сажени от сетки. Секунда, и самолет бросает назад пружинами аэрофинишера.

Разбор полетов проводили здесь же на летной палубе. Кирилл Никифоров уже внутренне приготовился к разговору, но начальство даже не соизволило уделить внимание «оторвавшемуся» от лидера ведомому. Прапорщик Нирод только показал кулак и прищурился. Подполковник Черепов больше внимания уделил второму звену. От острого взора начальника авиакрыла не укрылось неуверенное маневрирование при штурмовке, отделяющиеся от лидера ведомые.

Летавший с первым звеном комэск штабс-капитан Оффенберг отмалчивался. Показал себя он сегодня средне. Видно было, переучивание Владимиру Сергеевичу дается нелегко. Летчики отнеслись к этому с пониманием, комэск мастерски летал на «Чайке», сросся с этим прекрасным мощным, маневренным бипланом, увы, скоропостижно устаревшим. «Сапсан» куда строже в пилотировании, не прощает потерю скорости, но зато на вертикали ему равных нет.

— Вопросы? — прозвучала традиционная фраза после разбора.

— Господин полковник, у нас на сегодня будут еще полеты? — интересуется Нирод. Прапорщик намеренно опускает приставку «под». Принятый в армейской среде с прошлого века незатейливый подхалимаж.

— Будут, Арсений Витальевич. «Рион» идет в Севастополь. Вы через два часа летите в Саки. Там сдаете машины.

— Сдаем?! — вырвался многоголосый вопль.

— Сдаете учебные машины, — жестко произнес командир авиакрыла. — Наш «Двенадцать апостолов» проходит ходовые испытания и идет в Кольский залив. Так что, считаем, учеба на дедушке «Рионе» для вас закончена. Сдаете самолеты, едете в Москву на «Дукс».

Там получаете боевые истребители и сдаете экзамен на пилотирование. Я лично попросил, чтобы вас там всех гоняли в хвост и в гриву, чтобы с летного поля не выпускали, чтобы на Ходынке дневали и ночевали.

Угроза подполковника произвела обратное действие. Даже Владимир Оффенберг повеселел. Остальные летчики, совершенно не стесняясь командира, в лицах изображали, как им будет тяжело над аэродромом «Дукса». В морской авиации свои представления о субординации. На земле пилоты и штурманы вели себя с командирами куда свободнее, чем то предписывалось уставами. Но в воздухе подчинялись старшим беспрекословно. Сами обер-офицеры тоже не стеснялись дружеских отношений с подчиненными.

Отчасти объяснялось это тем, что в специфической среде палубной авиации продвигались по службе в первую очередь сильные пилоты, способные показать класс своим людям. Немаловажно и то, что морская авиация у России немногочисленна, а палубные летчики тем более образовали своего рода спаянную касту. Далеко не каждый может хорошо летать. И далеко не каждый способен не только летать, но и думать в воздухе. Из тех, кто летает, самых толковых отбирал себе флот. А уж из этих лучших не все оказались способны взлетать и садиться на узкую палубу авианосца. И не все, один раз сумевшие посадить машину на корабль, отваживались на повторный эксперимент.

Да, вот так и шел отбор в полном соответствии с постулатами Чарльза Дарвина. Хорошие отсеивались. На палубах оставались только лучшие. Не удивительно, что со своими командирами людей связывало нечто большее, чем простая иерархия. Тот же подполковник Черепов за свою службу успел освоить больше дюжины машин, он летал не только на истребителях, но и на торпедоносцах. Вполне достаточно, чтобы его не толь-